

УДК 297.17

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.83-90

Ислам в порядке несения службы военнослужащих
мусульман в уставах, законах и указах
Российской империи первой половины XIX в.

А.А. Горин

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена изучению вопросов исповедания ислама военнослужащими-мусульманами в первой половине XIX в. На основе законодательных источников в широком историческом контексте рассматриваются государственные меры по упорядочению системы интеграции мусульман в военную и гражданскую службы Российской империи с сохранением возможности традиционного исповедания ими своего вероучения, что также было направлено на решение новых военных и внешнеполитических задач государства.

Ключевые слова: ислам, Устав воинский, Каспийский поход, Кавказская война, имам Шамиль, мюридизм

Для цитирования: Горин А.А. Ислам в порядке несения службы военнослужащих мусульман в уставах, законах и указах Российской империи первой половины XIX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.83–90. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.83-90>

Одной из проблем, вставших перед системой российской военной и гражданской службы 70-х гг. XVIII – первой половины XIX в., стала интеграция в служебную систему лиц, исповедующих ислам. К этому моменту со времени попыток Ивана IV Грозного интегрировать мусульманскую аристократию бывших Казанского и Астраханского ханств в систему служилого сословия Московского государства прошло уже чуть менее 200 лет, но упорядочения положения мусульман непривилегированных сословий так и не произошло. Напротив, со времени правления первых Романовых (Михаила Федоровича и Алексея Михайловича) мы видим прессинг со стороны государственной власти в отношении мусульманской уммы. Но к указанному моменту в геополитической и внутривосточной ситуации происходят существенные изменения.

Во-первых, после ряда военных походов русской армии (в частности, Каспийского похода 1722–1723 гг. Петра I, а также Персидского похода 1796 г. Екатерины II) Российская империя утверждает на территории Западного и Южного побережья Каспийского моря. То есть, выходит на прямое территориальное соприкосновение с народами Кавказа, исторически исповедовавшими ислам. До этого единственными историческими

центрами ислама на территории Российской империи оставались Поволжье, Приуралье и ряд регионов Сибири.

Во-вторых, российское правительство повторно столкнулось с вопросом интеграции мусульман в отечественную правовую, политическую и военную системы. После ликвидации в 1681 г. Касимовского царства государственно-конфессиональные отношения Российского государства и мусульманской уммы строились в основном на принципах ограничительных мер со стороны первого по отношению к последним. Это привело к сокращению связей российской уммы с зарубежной уммой (и сокращению распространения среди российских мусульман радикальных учений). Однако использовать ограничительные меры в отношении мусульман Кавказа российское правительство не считало целесообразным: Российской империи приходилось конкурировать за расположение кавказских мусульман с правительствами Персии и Османской империи.

В-третьих, силовой захват Кавказа для России был долгое время нецелесообразен. Кавказская укрепленная линия проходила по рекам Терек, Малка и Кубань. На Кавказе не было ни земли, ни ресурсов, способных заинтересовать правительство Российской империи. Однако, после того, как в 1796 г. в результате Персидского похода Российская армия выходит к Баку и в 1806 г. присоединяет ханство, а затем присоединяет ряд грузинских княжеств (в том числе и в результате подписания в 1783 г. Георгиевского трактата). Впоследствии эти события привели Российскую империю на территорию претензий Персии и Османской империи.

В-четвертых, по присоединении в 1783 г. территории Крыма к Российской империи, поднялся вопрос об интеграции в российское общество мусульманского крымско-татарского населения, часть из которого приняла сторону России еще до присоединения Крыма к Российской империи [4, с.217]. Крым, в тот момент, значительно потерял в численности населения, но его города Бахчисарай и Солхат оставались центрами мусульманского богословия.

В-пятых, на Северном Кавказе в 80-х гг. XVIII в. начинает распространяться учение Магомета ал-Йараги, предтечи мюридизма [13, с.21]. Причем, учение это, по мнению ряда богословов-мусульман (например, Барка-кади аль-Акуши), – радикальное учение [3, с.83]. Мухаммад аль-Йараги выступает за антигосударственную доктрину в принципе, отрицая подчинение мусульман как «неверным», так и мусульманским правителям [6, с.44]. В это же время резидент российской разведки в Стамбуле М.И. Голенищев-Кутузов сообщает в столицу в 1794 г. о «разрушающем богослужение магометанское мятежнике из Аравии Абдул-Вегабе» [8, с.298].

Таким образом, уже к концу XVIII в. возникает необходимость упорядочить пребывание мусульман на гражданской и военной службе Российской империи, причем – с учетом богословских особенностей верования ислама, чтобы не только использовать потенциал российского ислама в «народной дипломатии», но и сделать нахождение под российским

влиянием более привлекательным для мусульман – потенциальных подданных.

В «Уставе воинском» Петра I от 30 марта 1716 г. достаточно полно и всесторонне определен порядок службы православного военного духовенства и отправления духовных потребностей православных воинов. Однако о представителях иных исповеданий (без разделения) упоминается лишь в главе 64 «о молитве и в какое время ее отправлять». Православным надлежит молиться трижды в день в обязательном порядке. Нарушение грозит наказанием. Интересно, что в этой статье мы видим пункт: «И понеже при войске некоторые иных законов обретаютца, которые також де должны по своим уставам, но в те же времена молиться, под таким же штрафом» [10]. То есть, Петр I требует, чтобы верующие исполняли свои ритуалы, но – в единых рамках. Такой подход нельзя назвать дискриминацией: одна из задач Устава – введение максимального единообразия порядка несения военной службы.

Вместе с тем, решение о введении политики веротерпимости Петра III, реализованное в полной мере Екатериной II в синодском указе от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиепископам вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построенных по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальникам» [12, с.775–776], кардинальным образом изменило положение дел. Согласно именному указу «О дозволении подданным Магометанского закона избирать самим у себя ахунов» от 28 января 1783 г., данному генерал-поручику М.Ф. Каменскому, содержится ряд примечательных фактов. Во-первых, речь шла о строительстве мечетей в строго необходимом количестве и по желанию населения. Во-вторых, указывается мотивация такого решения: Екатерина II была заинтересована в том, чтобы духовное лидерство над мусульманами России сохраняли отечественные мусульманские богословы [11, с.805]. По всей вероятности, распространение радикальных направлений ислама, о котором Екатерине II недавно сообщили с Кавказа, вызвало стремительную реакцию императрицы. В третьих, избранные ахуны имели право включаться в общественную жизнь общества, не будучи ограничены лишь духовной сферой (как, например, православные иереи) [11, с.805]. Окончательно завершённый вид система самоуправления мусульманской уммы Российской империи обретет в 1788 г. с учреждением Оренбургского магометанского духовного собрания.

С этого момента вопрос о внесении изменений в порядок несения службы военнослужащими-мусульманами становится вопросом времени: на Кавказе разворачивается новое противостояние Российской империи и мусульманского сообщества, и, в отличие от XVI–XVII вв., правительство Российской империи было заинтересовано в максимальном устранении из причин этого противостояния религиозного вопроса. Кроме того, количество мусульман на военной и гражданской службе Российской империи серьезно увеличилось.

Из мусульман еще ранее составляли подразделения легкой кавалерии, формируемые по месту дислокации. По инициативе Г.А. Потемкина, сосредоточившегося на развитии легкой кавалерии, мусульманские кавалерийские подразделения, как правило, заносили в реестр как уланские или казацкие части. Наиболее известны Уфимский казачий полк (позднее на его базе – сформированы I и II Тептярские полки), Литовско-татарский уланский полк [2, с.92], крымские полки (Симферопольский, Перекопский, Евпаторийский, Феодосийский [1, с.49]) и др. В штат таких подразделений назначались в качестве духовных лиц муллы. Исследователь Х.М. Абдуллин в своих работах приводит имя одного из них – Кунафей Бухарметов [2, с.92].

Существовал ряд вопросов, которые необходимо было решать в ходе службы.

Во-первых, адаптация предписываемых в Коране религиозных действий Воинскому уставу. Если Устав 1716 г. рассматривал религиозно-культурные действия в одном абзаце, то «Воинский устав государя императора Павла Первого о полевой пехотной службе» 1796 г. отводит религиозной составляющей военной службы первую часть восьмой главы и регламентирует ее подробно [5, с.116–118]. Однако, если Устав Петра I упоминал о лицах, имеющих иное исповедание, кроме православного, то Устав Павла I о них даже не упоминает. Однако, общие формулировки Устава Павла I (например: «...Естьли солдаты случатся другого закона, то посылать оных на молитву онаго, с унтер-офицером того закона, естьли случится ...» [5, с.117]) давали возможность взаимно коррелировать требования Устава и Корана. Но только в том случае, если все подразделение, или, по крайней мере – его целостная часть (взвод, рота и т.д.), будут сформированы из лиц, исповедующих ислам. Однако с 1790 г. мы такие подразделения в армии Российской империи наблюдаем. Особенно интересен в этом отношении сформированный 9 июня 1797 г. Литовский конный полк, в 1803 г. разделенный на Литовский и Татарский конные полки. Дело в том, что 21 марта 1831 г. Татарский конный полк был расформирован и его эскадроны были приписаны к различным полкам. Сохранили ли они мусульманский состав и соответствующий порядок несения военной службы – неизвестно.

Во-вторых, при помощи Оренбургского магометанского духовного собрания удавалось решать проблемы, касающиеся сугубо бытовых вопросов. Например, в 1833 г. население 5-го башкирского кантона подало прошение Николаю I, содержащее религиозно-аргументированную просьбу не посылать молодых башкир обучаться медицине в Казанский императорский университет. Именно Оренбургское магометанское духовное собрание организовало разъяснительную работу, что обучение в светском университете харамом не является. Не без влияния Собрания был введен в употребление порядок расчета времени утреннего и вечернего намаза параллельно визуальному – по поясному времени, что упростило службу офицеров-мусульман в северных регионах Российской империи во время

полярного дня и полярной ночи, а также – участие военных из числа мусульман в исследовательских экспедициях.

В-третьих, наличие мусульманских воинских подразделений в составе армии Российской империи в немалой степени помогло выиграть идеологическую борьбу с Северо-Кавказским имаматом во время Кавказской войны. Хотя позднее, находясь в почетном пленении, имам Шамиль и отрицал то, что его оппоненты переходили на сторону Российской империи, но признавал, что жестокость его политики отвратила от него многих мусульман [7, с.126]. Зато личный секретарь имама Шамиля Мухаммад Тахир аль-Карахи честно признавал, что мусульмане Северного Кавказа до целенаправленной пропаганды Гази-Мухаммада, то есть до 30-х гг. XIX в. (а многие – и до конца Кавказской войны), не воспринимали Российскую империю как противника. Более того, они активно сопротивлялись анти-русской пропаганде вплоть до конфликта с мяурдами [9, с.4–5]. А представители аула Чиркей и вовсе отказались воевать с русскими, напротив – заключив мир с Российской империей и возвратив Гази-Мухаммаду присланное им оружие [9, с.9]. Отказывались воевать с Россией и аварцы [13, с.34] (что стало одной из причин, по которой Гамзат-бек приказал уничтожить всю аварскую правящую династию).

То есть, можно смело сказать, что формирование мусульманских подразделений в армии Российской империи, введение мусульманского самоуправления на территории России, уделение внимания корреляции законов Российской империи и духовным потребностям мусульман, позволили в значительной мере нивелировать статус религиозной войны в противостоянии с Северо-Кавказским имаматом. Фактически, народы Кавказа имели простой выбор: либо признать власть Российской империи, в которой мусульмане могли сосуществовать с православными и строить гражданскую и военную карьеру (примеры были перед глазами), либо признать власть Северо-Кавказского имамата с отказом от национальных традиций, отмены адатного права в пользу законов шариата, внедрением арабского языка не только в делопроизводство, но и в бытовое общение (о чем свидетельствовали и Мухаммад Тахир аль-Карахи, и М.Н. Чичагов, и сам имам Шамиль). Подчинение властям Российской империи для многих выглядело предпочтительнее. Наибольшего успеха в этом добился Николай I, завершивший строительство системы религиозной политики, заложеной при его бабушке Екатерине II.

Имели место и неудачные попытки адаптировать российскую наградную систему под каноны ислама. В 1844 г. ввод системы параллельных наградных знаков был не слишком удачной идеей. Были разработаны альтернативные орденские знаки орденов: Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Св. Великомученика и Победоносца Георгия, Св. Равноапостольного князя Владимира, Св. Анны и Св. Станислава. Суть изменений одна – вместо фигур святых был размещен государственный герб Российской империи. Польский Орден Белого орла изменен не

был, а Орденом Св. Великомученицы Екатерины не православные не награждались. Однако, размещение на орденах фигуры орла точно также нарушало каноны ислама, запрещающие изображение живых существ.

Однако, в целом, упорядочение системы интеграции мусульман в военную и гражданскую службы Российской империи с сохранением возможности традиционного исповедания ими своего вероучения, одновременно пресекло попытку руководства Северо-Кавказского имамата придать войне с Российской империей статуса джихада, способствовало интегрированию мусульман из вновь присоединенных к Российской империи регионов в российское общество, а также – позволило на длительное время предотвратить широкое распространение на территории Российской империи радикальных форм ислама.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллин Х.М.* Воинская служба крымских татар в Российской империи // Военно-исторический журнал. 2007. №1. С.49–54.

2. *Абдуллин Х.М.* «Имаму трудов должно быть больше...». Мусульманское военное духовенство в конце XVIII – начале XIX века // Военно-исторический журнал. 2023. №11. С.92–99.

3. *Агаев А.Г.* Магомед Ярагский. Мусульманский философ. Духовный вожь дагестанского освободительного движения XIX века. Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ, 1996. 212 с.

4. *Болотина Н.Ю.* Потёмкин. М.: Вече, 2014. 480 с.

5. Воинский устав государя императора Павла Первого о полевой пехотной службе. Санкт-Петербург: Типография Морского шляхетного кадетского корпуса, 1797. 357 с.

6. *Джалалова С.М.* Политико-правовые воззрения Магомеда Ярагского (первая половина XIX в.) // Актуальные проблемы российского права. 2011. №4. С.40–50.

7. Законы Шамиля // Живописное обозрение. 1875. №8. С.126.

8. Русские полководцы. Кутузов М.И. Документы (под ред. Л.Г. Бескровного). В 5 т. М.: Военное изд-во Министерства вооруженных сил Союза ССР, 1950. 796 с.

9. *Тахир М.* Три имама. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. 100 с.

10. Устав воинский о должности генералов, фелт маршалов и всего генералитета и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и о иных воинских делах и поведениях, что каждому чину чинить должно. 30 марта 1716 г. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm> (дата обращения: 25.09.24).

11. Полное собрание законов Российской Империи. 1 собрание (ПСЗ РИ-1). Т. XXI. №15653.

12. ПСЗ РИ-1. Т. XXII. №16489.

13. *Чичагова М.Н.* Шамиль на Кавказе и в России. СПб.: Типография и Литография С.Муллер и И.Богельман, 1889. 186 с.

Информация об авторе:

Горин Антон Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0009-3161-1887; e-mail: anton-gorin-2009@mail.ru

Поступила 30.09.2024

Принята к публикации 24.10.2024

Islam in the order of service of Muslim military personnel
in the charters, laws and decrees of the Russian Empire
in the first half of the 19th century

A.A. Gorin

*Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of the issues of practicing Islam by Muslim military personnel in the first half of the 19th century.

Based on legislative sources in a broad historical context, state measures to streamline the system of integrating Muslims into the military and civil services of the Russian Empire while maintaining the possibility of their traditional confession of their faith, which was also aimed at solving new military and foreign policy tasks of the state are considered.

Keywords: Islam, Military Charter, Caspian campaign, Caucasian war, Imam Shamil, Muridism

For citation: Gorin A.A. Islam in the order of service of Muslim military personnel in the charters, laws and decrees of the Russian Empire in the first half of the 19th century. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.83–90. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.83-90> (In Russian)

REFERENCES

1. Abdullin Kh.M. Military service of the Crimean Tatars in the Russian Empire. *Military History magazine*. 2007, no.1, pp.49–54. (In Russian)
2. Abdullin Kh.M. "The Imam should have more work...": Muslim military clergy in the late 18th – early 19th centuries. *Military History Journal*. 2023, no.11, pp.92–99. (In Russian)
3. Agaev A.G. *Magomed Yaragsky. Muslim philosopher. Spiritual leader of the Dagestani liberation movement of the 19th century*. Makhachkala: Dagestan State University Publ., 1996. 212 p. (In Russian)
4. Bolotina N.Y. *Potemkin*. Moscow: Veche Publ., 2014. 480 p. (In Russian)
5. *Military regulations of the sovereign Emperor Paul the First on field infantry service*. St. Petersburg: Naval Noble Cadet Corps Publ., 1797. 357 p. (In Russian)

6. Dzhahalova S.M. Political and legal views of Magomed Yaragsky (first half of the 19th century). *Current issues of Russian law*. 2011, no.4, pp.40–50. (In Russian)
7. Shamil's Laws. *Picturesque Review*. 1875, no.8, p.126. (In Russian)
8. *Russian commanders. Kutuzov M.I. Documents*. In 5 volumes. Ed. by L.G. Beskrovny. Moscow: Ministry of the Armed Forces of the USSR Publ., 1950. 796 p. (In Russian)
9. Takhir M. *Three imams*. Makhachkala: Daguchpedgiz Publ., 1990. 100 p. (In Russian)
10. *Military regulations on the positions of generals, military marshals and all generals and other ranks that should be with the army, and on other military affairs and behavior that each rank must perform. March 30, 1716*. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm> (accessed: 09/25/24). (In Russian)
11. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. In 47 volumes. Vol.21. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ., 1830. 1070 p. (In Russian)
12. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. In 47 volumes. Vol.22. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ., 1830. 1174 p. (In Russian)
13. Chichagova M.N. *Shamil in Caucasus and in Russia*. St. Petersburg: S. Muller and I. Bogelman Publ., 1889. 186 p. (In Russian)

About the author:

Gorin Anton Anatolyevich – Cand. Sci. (history), Associate Professor of the Department of Religious Studies of the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0009-3161-1887; e-mail:anton-gorin-2009@mail.ru

Received September 30, 2024

Accepted for publication October 24, 2024